

«Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»

Александр Александрович Аузан

Декан экономического факультета МГУ Александр Аузан о новом общественном договоре, великодержавной гордости и судьбе российских правителей-реформаторов в интервью «Газете.Ру».

— В чем состоит новый общественный договор российских граждан с властью: примем любую жизнь, главное — Крым наш?

— Действительно, в 2014 году произошел серьезный сдвиг в общественном договоре. Напоминаю: под общественным договором понимается не бумага, которую каждый из читателей подписал с другим читателем или с президентом, а обмен ожиданиями по поводу прав собственности и свобод, которые существуют в стране.

Что было раньше? Примерно в 2000 году появилась формула: власть предлагает общественный договор «порядок в обмен на налоги». Это была очень разумная формула восстановления порядка, и уровень налоговых платежей действительно вырос, подтвердив готовность людей платить.

Но в 2003–2004-м, после дела ЮКОСа, произошел сдвиг. В то же время начался довольно активный экономический рост, стало расти благосостояние. Одновременно начались изменения в политических институтах, и что получилось? Люди, судя по социологическим опросам, не очень хотели отмены выборов губернаторов. Но реальная зарплата прирастала по 4% в год.

— И открылась прекрасная возможность вовсе не думать о политике и заняться своей частной жизнью.

— Совершенно верно. Фактически получилось «стабильность в обмен на лояльность». И так мы жили до 2008 года, когда кризис перечеркнул и стабильность, и лояльность. А в 2011–2012 годах мы и вовсе прошли через электоральный кризис. Стало понятно: нужно предлагать что-то другое. Кстати, первый всплеск, когда общественные настроения сильно качнулись в сторону «хотим великой державы», произошел во время грузинской войны 2008 года. Тогда, я бы сказал, власть оказалась к этому не готова. Затем экономический кризис, в ходе которого был предложен другой вариант: зарплаты бюджетникам, повышение пенсий пенсионерам. То есть «социальные гарантии в обмен на лояльность». Это оказалась достаточно прочная формула, чтобы проскочить электоральный кризис 2011–2012 годов, собрать необходимую поддержку в регионах и в определенных слоях населения против «рассерженных горожан».

— То есть Москва со своими протестами не подорвала устои социального договора?

— Москва и другие города-миллионники хотели смены социального контракта. Но главной проблемой было то, что те, кто выдвигал эти установки, не думали о других частях страны. А это проблема. Если вы претендуете на перестройку общественного договора в масштабах большой страны, то должны учитывать интересы промышленных городов, которые до сих пор в ужасе от опыта девяностых, когда там не платили зарплату и просто не на что было жить.

«В 2014 году произошел массовый сдвиг в представлениях населения»

— Ну, знаете, эта проблема разрыва между столицами и провинцией в России существует веками!

— Да. Но я хочу сказать, что нельзя сделать маленький общественный договор для одного города. Все равно он должен вписываться в ту структуру ожиданий, которая есть в стране. Так вот что произошло в 2014 году? Произошло то, чего не произошло в 2008-м: массовый сдвиг как в представлениях населения о том, чего хотеть, так и в готовности власти это поддержать.

Во многом это возвращение к традиционному для России государственно-контракту, когда люди соотносят себя с государством и его возможностями.

— Соотносят в том смысле, что идентифицируют?

— Да. Люди хотят ощущать себя частью великой державы, которая что-то приобретает, возвращает позиции.

— Как «болотные» настроения могли трансформироваться в великодержавные? Предположим, в малых городах они никуда и не девались, разные части страны живут в разных временных эпохах. Но как могли так измениться настроения в мегаполисах?

— Объясню.

Если не получается развиваться и модернизироваться, то замедление времени заменяется расширением пространства. Мы же все равно становимся более значимыми,

появляются два новых субъекта Федерации. Это своего рода субститут того, что не получилось в модернизации.

— В своей «Институциональной экономике для чайников» вы приводили высказывание философа Джона Ролза о том, что счастье — это ощущение успешности реализации жизненного плана. Получается, что, не получив этого ощущения, «креаклы» направили эмоции в сторону территорий?

— В общем, да. Представление о том, что креативный класс не вписывается в государственный контракт, неверное. Например, в некоторых сферах оборонно-промышленного комплекса креативные элементы замечательно в него вписываются. В условиях конкуренции мировых держав могут даваться деньги на творческие поиски, внедрение новых идей. Вообще, из-за того, что такая модель социального контракта в России уже встречалась, о ней можно сказать довольно много.

«В обмен на принадлежность к великой державе»

— Как звучит теперь этот социальный контракт?

— Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе.

Я внимательно смотрел за экономическим поведением, оно — индикатор того, насколько люди готовы на что-то идти. Весенняя динамика еще не показывала, что происходит серьезный сдвиг. Люди уже были охвачены патриотическим подъемом, но в то же время изымали деньги из рубля, вкладывали в доллары и евро и одновременно вынимали деньги из национальной банковской системы.

— Клали в банки, но уже в стеклянные.

— Совершенно верно. Что, конечно, экономически совершенно непатриотичное поведение.

Но уже летом и осенью история продовольственного эмбарго показала другое: социологические опросы не зафиксировали снижение патриотизма после того, как ухудшилась ситуация на потребительском рынке. То есть мы по-прежнему фиксируем готовность населения к определенному самоограничению.

Что из этого может получиться? Возможен сценарий мобилизационной модернизации.

Это не то, что понималось под модернизацией в 2008–2011 годах. Основой становится мобилизационный ресурс государства, а государство обладает одной способностью — применять насилие или создавать угрозу применения насилия, для того, чтобы изымать ресурсы.

Я уверен, это будет не в тяжелых формах, как, скажем, при Петре I или Сталине. Нет, будет вариант «лайт». Он будет касаться изъятия некоторых активов, но не будет касаться изъятия самих людей.

— Об этом вы тоже писали: государственная собственность хороша при мобилизационном сценарии.

— Теперь вопрос: даст ли мобилизация какие-то результаты? Думаю, возможны два эффекта. Первый — крупные инфраструктурные проекты могут как-то стимулировать падающую экономику, это классические кейнсианские рецепты. Россия вообще любит большие проекты, и я допускаю, что, скажем, из 15 крупных проектов, которые запустят, 3–5 могут оказаться толковыми и полезными.

Второй — запуск некоторых инновационных проектов в основном в оборонно-промышленном комплексе.

«Мы будем иметь государственный контракт «лайт»

— Мотиватором достижений в подобных моделях обычно служит страх.

— Твердо можно сказать: сейчас это не страх.

— Тогда в остальном мы получим то, что получили с советскими мегапроектами, на которых надорвался Советский Союз.

— Тормозящим фактором, который, на мой взгляд, очень быстро обнаружится, теперь станет дефицит высококачественного человеческого капитала. Свое производство мы сворачиваем; образовательные бюджеты, расходы на здравоохранение снижаются; в то же время отъезд будет происходить. И мы начнем проигрывать в конкуренции за человеческий капитал. А в современных модернизациях он гораздо важнее, чем прежде.

Поэтому, думаю, будет гиперболическое движение: впрыснут ресурсы, затем скачок с повышением темпов роста, потом снова падение темпов и «демобилизация».

Тогда снова встанет вопрос: каким будет социальный контракт?

— Когда мы к этому придем?

— Не знаю. Могу сказать, что это займет не десятилетие точно. Меньше.

— Усматриваете ли вы параллели с программой ускорения времен позднего Союза?

— Аналогии есть, несомненно. Тогда тоже возникло понимание, что мы в застое, была попытка вырваться из отсталости. Причем это была попытка государства, которое еще обладало административно-репрессивным ресурсом.

— *А сегодняшнее государство этот репрессивный ресурс не может восстановить? Многие опасаются именно этого.*

— Когда наша страна вышла из Гражданской войны, которая сама по себе поддерживала этот репрессивный ресурс, разного рода карательные органы и т.д., понадобилось еще десять лет на то, чтобы развернуть масштабные репрессии и приступить к сталинским методам управления.

— *Ну, сегодня в мире все происходит быстрее...*

— Не знаю, не уверен. Все эти годы инвестиций в серьезный репрессивный ресурс не делалось, да и сейчас я пока не вижу позывов к тому, что кто-то хочет его восстановить. Поймите, это колоссальные затраты. Для начала нужно закрыть страну, и прежде всего — оборудовать границы. А это тысячи километров.

«Сейчас нет ни сил, ни желания прижимать человека»

— *Для многих представителей политического и бизнес-истеблишмента граница уже закрыта без всякой колючей проволоки — они под санкциями. Какого поведения в этой связи от истеблишмента можно ожидать?*

— Еще раз хочу подчеркнуть: мы будем иметь государственный социальный контракт «лайт».

Это означает, что «железного занавеса» не будет, дети-внуки останутся там. Мировые связи вроде не приветствуются, но сохраняются. Самое важное — сейчас нет ни сил, ни желания прижимать человека, а именно это было основой мобилизаций Петра и Сталина. При этом, напоминая, в России были и другие модернизации, которые мне кажутся гораздо более продуктивными. Они опирались скорее не на мощь государственной мобилизации, а на другие факторы. В частности, модернизация Александра II.

— *Это плохо для него кончилось.*

— Но обратите внимание: даже плохая кончина бывает разной. На 80-летию Михаила Сергеевича Горбачева я произнес тост. Был государь Александр II, освободил российское крестьянство и был убит, причем прогрессивно настроенной публикой. Был Никита Сергеевич Хрущев, освободил заключенных, был снят и фактически посажен под домашний арест. Был Михаил Горбачев, который принес стране свободу, сейчас он публикует книги, выступает. Так за прогресс российской истории!

Это правда — у каждого из вариантов российской модернизации свои риски. В одном случае — подрыв человеческого потенциала, в другом — смещение главы государства.

«Недоговороспособность — главная русская болезнь»

— *Потому в прогрессивную модернизацию верится сегодня с трудом. И как в этой связи быть тем, кого идея великодержавности не зажигает?*

— Не надо нагнетать! Жизнь не устроена так, что мы выбираем между хорошим и плохим.

— *Да, мы всегда почему-то выбираем между плохим и очень плохим.*

— Ничего подобного, обычно мы выбираем между не очень плохим и не очень хорошим. И в каждом варианте есть свои плюсы и минусы. Вопрос в том, чем имеет смысл заниматься на протяжении нового исторического периода?

Я, например, считаю, что, когда в очередной раз будет шанс реализовать другой тип модернизации, мы, как обычно, упрямся в качество элит. Потому что не должно в российской истории повторяться ситуаций, когда элиты не могут договориться между собой об элементарных шагах.

Недоговороспособность — главная русская болезнь. Вот этим я вижу смысл заниматься — повышением шансов на будущее, когда нынешние студенты станут доминирующей силой в России.